

РАССКАЗЫ

A fantastical landscape with tall, jagged rock spires and a windmill on a cliff. The scene is set against a dark, starry sky with a crescent moon and a glowing nebula. The windmill is a small, wooden structure with a red roof and a white millstone, perched on a narrow, rocky outcrop. The overall atmosphere is mysterious and ethereal.

ВЫПУСК #12

Разлетаясь в пыль

Олег Сергеевич Савошик
Екатерина Годвер
Евгения Кинер
Дарина Александровна Стрельченко
Сергей Седов

Рассказы: Выпуск 12.

Разлетаясь в пыль

Серия «Крафтовый литературный журнал «Рассказы»», книга 12

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63712042*

Аннотация

Память подобна космосу – необъятна и ограничена до маленькой точки. Вот вы – представьте, каково все время оглядываться. Расти в клетке, полной детей, мечтая побыть в одиночестве. Годы и годы ждать письма с другой планеты. В один миг вспомнить все, о чем всю жизнь старались забыть. Ради чего... Чтобы побыть марионеткой момента. Ради единственного осознания, что вы там, куда вас привели.

Представляем сборник рассказов «Разлетаясь в пыль». Память – только пылинки прошлого, из которых складывается настоящее.

Содержание

Дарина Стрельченко	7
Евгения Кинер	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Рассказы 12.

Разлетаясь в пыль

Авторы: Дарина Стрельченко, Евгения Кинер, Олег Саво-
щик, Сергей Седов, Екатерина Годвер

Иллюстрации и обложка: Евгений Енотов

Составитель: Максим Суворов

Корректор: Дина Рубанёнок

Крафтовый литературный журнал «Рассказы» – это уникаль-
ный проект, в котором истории русскоязычных авторов
обрамлены рисунками современных диджитал художников.
Сами рассказы отбираются редакторским коллективом на-
равне с таргет-группой, состоящей из читателей журнала. Та-
ким образом достигается максимальные качество и уровень
работ.

Крафтовая литература, 2020

Я стану нейтрино в разорванном мире

Исчезнувшей цепью забытых последствий
Я стану покоем, рожденном в эфире
Осколками эха среди тысячи бедствий
Я стану частицею звездной короны
Исчезнувшей в мгле горизонта событий
Я стану покоем слепого фотона
Распадом молекул, смещеньем размытым
Я стану энергией чистых пульсаров
Мерцающим нимбом печального солнца
Я стану покоем далеких квазаров
Той частью себя, что уже не вернется
Я стану значеньем бинарного кода
Простой переменной системы счислений
Скользящим потоком магнитного поля
Я стану решеньем чужих уравнений
Я стану потоком невидимых кварков
Стремящимся сквозь горизонты познания
И я превращусь в постоянную Планка
В пыль древних миров, утонувших в молчаньи
Я стану лучом в бесконечной Вселенной
Волной колебаний немого эфира
Значеньями множеств одной переменной
Я стану покоем трехмерного мира.

Алиса Хэльстром

Дарина Стрельченко

Письма из тундры

Декабрь 2100

– Обожжешься! Обожжешься, Оля!

– Не кричи! – шепнула она, склоняясь над багровой, шедшей мелкими пузырьками почвой. – Спугнешь... Сейчас... Сейчас лопнет...

– Оля!

– Сейчас!

Пузырь схлопнулся, завоняло, брызнули искры, и на секунду полыхнуло все кругом – а потом на Гевесту клочками опустилась привычная сероватая мгла. Оля победно вскинула кулак, второй рукой на весу удерживая лопатку с рассыпчатым грунтом.

– Проба взята!

– Дурочка... Могла же обжечься!

– Да тут слабые совсем пузыри, глубины-то никакой. Зато включу в кандидатскую анализ гевестской почвы.

– Хочешь, видать, чтоб я вдовцом остался...

– Ну не ворчи, не ворчи. Надо тебя кормить уже, чтоб не ворчал. Пошли на базу. Замерз?

– Конечно замерз. Я, в отличие от тебя, руками огонь не собираю...

Резкий, мыльно-пряный запах прорвавшегося газа быстро рассеялся в белых хлопьях аммиака – своим неспешным кружением они походили на земной снег. На плоскогорье хлопья таяли не долетая до почвы, зато на пригорке, где стояла база, намело почти по колено.

У кромки холма Оля оглянулась. До самого горизонта матово блестели фумаролы, шипели и вспыхивали над густо-бордовой почвой пузырьки эргория, а сверху глухим колаком опускалось беззвездное фиолетовое небо. Во все стороны, насколько хватало глаз, дыбились холмы и чернели горячие котлованы; только впереди, как оазис в гевестской тундре, сияла усыпанная прожекторами база.

Когда они добрались до дома, облака набухли и стали густого сливового цвета – предвестие бури. В натопленном бункере было душно. Пахло консервами, куревом, вареной картошкой, чаем и шерстяной одеждой, которую разложили сушить.

– Однажды ты приедешь сюда, – забирая у Оли шубу, пробормотал Игорь, – а здесь будет город. Настоящий, как Москва или Питер. И мы пойдем гулять по разводным мостам, по красивым широким улицам, купим мороженое и сядем в скверике под сиренью.

– Романтик...

– Явились! – Валька, геолог-гевестовед, просунул голову

между занавесок, отделявших тамбур от жилого отсека. – Шустрее, молодожены, а то останетесь голодными.

По случаю свадьбы, хоть и случившейся на Земле еще перед отлетом, накрыли шикарный ужин: кроме тушенки выставили клюквенный морс, пирог из размороженного теста и драгоценный, нарезанный на прозрачные дольки лимон.

– Будьмо! – провозгласил Валька, опрокидывая в рот кружку морса. – За первую семью на Гевесте!

– За будущие города, – весело кивнул Игорьь.

– За будущие скоростные звездолеты. Чтобы разлуки были короткими, – вздохнула Оля.

– За энергию! – хором произнесли все трое, и морсу пришел конец.

Сообщение о том, что на Земле вводят первые ограничения, пришло на следующий день – Оля как раз сидела в тряской кабине заходившего на взлет разведывательного экспресса.

Игорь тоскливо переглянулся с Валею. Тот, необычно мрачный, повел подбородком в сторону бурлящего лавового поля в котловане. Негромко сказал:

– Ничего-ничего. Не зря мы их собираем. Земля нам еще в ножки кланяться будет.

Игорь машинально кивнул и проводил глазами взмывший в небо мобиль – компактный, сигарообразный и слепяще-белый, уносивший Олю к далекой Земле, заканчивать аспирантуру.

Январь 2101

Привет, княгиня!

Как долетела? Не соскучилась? Помню, в детстве мы летали с отцом на Венеру – в один конец три месяца. Я тогда вернулся, а мама меня не узнала, сказала папке, что он увез настоящего Игорька, а привез не пойми кого, обросшего, замурзанного... Они поругались, мама не хотела, чтобы отец брал меня с собой. А он сказал, что инженер – с детства инженер... Мы ведь с тобой не будем так ругаться, Оль, правда?

У нас тут, пока ты летела, вырыли котлованы под первые дома. Все инженеры в две смены: днем в поле, вечером стройка. С Земли запрос на новую партию эргория, строим второй ангар под баллоны. Расскажи хоть, что там у вас за ситуация. А то связь до сих пор через пень-колоду, сигнал ползет, как почтовый лайнер. Но ничего, мы с Валькой этот приемник починим, когда посвободней станет. Чтоб нам с тобой поболтать, ага? По межпланетной связи.

Ладно, Оленька, пора идти. Там уже шуршат в тамбуре, шкуры откидывают – пришла ночная группа, сейчас спать завалятся. Я сегодня на стройку. Как только ветер стихнет, начнут заливать фундаменты. У нас с тобой будет квартирка в самом центре. Как узнаю, где точно, вкопаю баллоны у дома, чтобы почва оттаяла. Хочу весной посадить сирень, чтоб к твоему приезду вырос сквер.

А теперь серьезно. Газ вывозят гигантскими партиями. Значит, дело на Земле худо либо к тому стремительно идет. Береги себя, Оля, и постарайся запастись аккумуляторами, сколько сможешь.

Прилечу домой – махнем с тобой в Карелию, на белые ночи. Это вечно фиолетовое небо уже с ума сводит.

Пиши, княгиня.

Январь 2101

Привет, Игорек! Прости, что с задержкой: такой хаос творится... Я даже рада, что ты пока на Гевесте. У вас хоть тепло там на базе и свет круглые сутки.

С энергией перебои – сегодня третий раз пойду на почту, может будет открыто. Первый раз поехала сразу, как прилетела, но письмо не приняли: говорят, нет энергии. Вчера заходила – вообще закрыто, темнота, тишина. Только вахтерша, помнишь, та жуткая бабка, глазами сверкает. Сумеречное такое царство по всему городу. Хотя в Москве, говорят, все нормально, никаких сбоев.

...Игорек, это я снова, пишу, пока в очереди на почте. В 5-й раз пришла, ты там, наверно, с ума сходишь. Прости, мой хороший, никак не могла отправить. Похоже, у нас кранты с электричеством и вообще с энергией. Вчера опять была авария на атомной станции; говорят, их закроют все. В новостях сказали, запасов энергии достаточно, но в интернете пи-

шут, где-то уже целые области обесточены почти полмесяца. Я видела снимок с МКС: Земля наполовину черная. Самое вирусное фото. Прости, что как курица лапой, зовут, примут письмо! Целую!

Февраль 2101

Привет, княгиня!

Чего не пишешь? Переживаю. Пришлось уломать Вальку по своим каналам узнать, приземлился ли твой рейс. Приземлился, мы тебя даже в списках сошедших пассажиров нашли. Правда, потратили на это полнормы месячной передачи. Шучу.

Ладно, ладно, прости, я знаю, что ты написала. Не могла не написать. Долго письма идут в нашу серебряную тундру... Опять вчера выпал снег. Мы были в поле, сжижали эргорий, и как повалило. Даже на фумаролах стало холодно. Пришли на базу как серебряные крабы в блестящих панцирях.

Смех смехом, но слушай, Оля. Это опять рубрика «Атеперьсерьезно». У нас чем-то заболели пять человек – температура, сыпь. Илья говорит, разновидность ветрянки, но кто его знает, какие тут вирусы летают. Если дойдет до десяти, Гевесту временно закроют на вылет, только дальнобойщиков будут впускать-выпускать. Вчера мы на всякий случай перечитали протокол – в худшем случае, чтобы не занести болезнь на Землю, нас могут закрыть на два года. Это

справедливо, конечно, но... В общем, мало ли эта бредятина случится, ты помни, что я с тобой рядышком.

На плане видел нашу квартиру. В твою комнату уже заказал с Земли оригами, зеркала, журавлики, вот это все, как ты любишь. Не знаю, правда, когда теперь приедет. Ладно, фиг с ним, главное, ты приезжай сразу, как защитишься. А то боюсь, как бы потом с этим не было сложностей. И пиши, милая моя, пиши, пожалуйста.

Май 2101

Привет, Игорек... Печатаю и даже не знаю, когда удастся отправить. Интерпочту в нашем районе закрыли, и по всему городу, насколько знаю, тоже; местная пока работает, но как местной отправишь на Гевесту? Алла Викторовна утром сказала, что отправила посылку сыну Юпитери-экспрессом из какой-то конторки в центре, где раньше продавали авиабилеты. Я попробую туда добраться.

Помнишь, раньше шутка ходила – если закроют метро, восемьдесят процентов людей не найдут дорогу домой? Очень жизненная шутка. Плохо без метро! Добираюсь до института на перекладных, а вчера видела мужчин на лошадях. Вот смешно: осваиваем Солнечную систему, а на улице мужчины на лошадях. Кстати, о Солнце: вчера устроили пикет у мэрии с требованием увеличить использование солнечной энергии. Охрана разогнала, конечно. А потом сказали, что уровень

загрязнения атмосферы не то чтобы критический, но уже не пропускает достаточно солнечных лучей. Ох, Игорек... Страшно все это. Я рада, что ты сейчас на Гевесте, вдали от этой чехарды, у вас там энергии завались... Единственный минус эргория – этот запах мыльный. Фу, как вспомню, прямо воротит.

Слышала разговоры, что поддерживать гевестский проект, импортировать оттуда газ – очень дорого, что проект хотят закрывать, как только Земля выйдет из кризиса. Может, конечно, так и будет, но точно не в ближайшее время: аккумуляторы с пометкой «Гевеста» просто повсюду, кишмя кишат. Не уверена, что можно быстро их чем-то заменить.

А так-то ничего. Дают свет трижды в день. Когда бываю дома в это время, успеваю быстренько поесть приготовить про запас, кипятка набрать... В общем, нормально, могло быть хуже – как во всяких фантастических рассказах про постапокалипсис. Знать бы еще, что с тобой. Почему не пишешь? Я не верю, что не пишешь, просто все эти проволочки с почтой... Зато потом получу от тебя пачку писем разом.

Знаю, ты терпеть не можешь, когда я развожу панику. Так что не буду ничего разводиться. Ходят слухи, что то ли на Гевесте, то ли на Ганимеде появилась новая болезнь, что будут закрывать планеты. Точно не знаю – интернета нет, телевидения тем более. Если все-таки получится отправить письмо – чиркни, пожалуйста, как вы там, как ты там, мой хороший. Обнимаю тебя, Игорек мой, князь мой Игорь. Попро-

бую завтра по пути в институт заглянуть в ту авиаконтору. Может, примут письмо, так что не удивляйся, если будет с юпитерианской маркировкой.

Жду не дождусь, когда приедешь. Нарисовала бумажный календарь, вычеркиваю дни до конца твоей вахты. Как в старые добрые времена, да?.. Очень романтично.

P.S. Не вышло с конторкой – закрыто. Но я нашла другой способ – опять спасибо Алле Викторовне, вот уж старушка-моторчик. Оказывается, при определенной ловкости рук, открывающих кошелек (ага, снова кошельки, банкоматы-то не работают) письма все еще можно отправить грузовым рейсом. Почтовые-то все перекрыли. Еще узнала, что с Гевесты не выпускают разведочные партии, инженеров, строителей – всех, кто живет дольше недели. Пишу, а внутри ледяно и каменно. В голове не укладывается, как будто дурной сон.

P.P.S. Не помню, писала или нет – мне отложили защиту. Из-за всей этой ситуации куча оптимизаций, сокращений, слияний... Наш институт слили с НИИ высоких энергий, теперь прохожу свою почвоведческую практику в лаборатории, где пытаются синтезировать эргорий, чтоб не возить его через полкосмоса. Хорошо бы и правда его побыстрей синтезировали. А то холодно зверски, топливо запретили совсем, чтоб не усугублять загрязнение. Свет дают трижды в сутки по часу, правда не по проводам, как обычно, а тоже аккумуляторы выдают. Обычное электричество оста-

лось только в больницах, во всяких таких заведениях, и то только там, где ветряки есть. А аккумуляторы – такие фиолетовые коробочки, и на боку по шву штамп «Импортировано с Гевесты». Я понимаю: газ, перед тем, как превратить в энергию, десять раз сложили-разложили-сжижили-прокалили, но все равно представляю, что это ты собрал и передал мне.

Август 2101

Привет, княгиня!

Как ты там? Я знаю, ты не стала бы вот так все обрывать, но что за препоны такие не дают тебе ответить? Иногда кажется, что я дважды в месяц просто швыряю листочки в черную бездну.

Помнишь, мы в детстве растягивали жвачки? Жевали-жевали бесконечно, они становились такие серо-розовые, липучие, безвкусные, и мы из них вили веревки. Тянешь, тянешь – и никак не рвется. Похоже на мое терпение сейчас. Я так устал без тебя, так соскучился, все вокруг серо-бурое, как та резинка. Но ниточка не порвется. Не переживай.

P.S. Представь, к Вальке летит жена. Беременная. Сюда, на Гевесту, где, простите, даже водопровода еще нет в большинстве строений. Я не знаю, как назвать этот идиотизм. Валек ходит – улыбка до ушей. Идиот.

Ее же не выпустят потом отсюда. Просто не пустят обратно на Землю, и все.

Февраль 2102

Игореша, привет, хороший мой.

Холодно без тебя в квартире, в кровати. Я переселилась в институт – несколько старых залов переделали под общежития, чтобы сотрудники не тратили время на дорогу. Добраться домой стало большой проблемой: конка дорогая, пешком очень долго. К тому же фонари не работают, на улицах мародеры, маргиналы – совсем как во времена Великой депрессии... В институте оставаться гораздо безопасней, да и веселее – хотя бы человеческое общение. Из нашего дома давно все съехали.

Комнату я закрыла, завинтила краны, только вещи кое-какие забрала, но так – все как всегда. Даже телефон свой оставила – что с него теперь, все равно не зарядить. Я постараюсь заглядывать периодически, проверять, протирать пыль – чтобы все всегда было готово к твоему возвращению. Ох, Игоречек, как я тебя люблю и как соскучилась по тебе! Не хотела писать о грустном, но как-то само выплескивается... Я знаю, тебе не до этого сейчас. Но это совсем как у Брэдбери в «Земляничном окошке»:

«У тебя работа тяжелая, ты строишь город. Когда человек так тяжело работает, жена не должна ему плакаться и жи-

лы из него тянуть. Но надо же душу отвести, не могу я молчать.... Почему-то, как проснешься в три часа ночи, отбоя нет от этих мыслей. Ты меня прости».

Вчера меня такая тоска взяла, Игорек, что я пошла в библиотеку, в художественный отдел, и с аккумулятором разыскала этот рассказ. Глупо на такое тратить энергию, но... Перечитала, и вроде бы ты стал понятней, понятней стало, зачем ты там. Хотя все равно кажется: почему ты? Ведь на Земле миллионы мужчин, тысячи инженеров. Почему именно ты – там? Если бы ты не полетел на Гевесту еще тогда, до всего этого, жили бы сейчас вдвоем в нашей квартире. Да, без света. Да, лапшу и брикеты бы разогревали на аккумуляторе. Да, здесь холодно, и страшно, и ночами нет отбоя от этих мыслей, но – я так хотела бы, чтобы ты был здесь, Игорь!

Пока искала Брэдбери, наткнулась на «Повесть о настоящем человеке» – помнишь такую? Там Комиссар говорил: письма на войне похожи на лучи звезд. Иногда звезда уже умерла, погасла, а письмо все еще идет сквозь космос, сквозь черноту... Почему ты не отвечаешь?

Прости. Не пишется о хорошем. Тяжело, Игорек. Да и все равно я почти не надеюсь, что ты это прочитаешь. Больше года уже – ни одного письма.

Вот я проснулась среди ночи. Чернота хоть глаз выколи, как на юге, когда мы ездили на сезон черешни – без фонарика даже из комнаты не выйти, такая густая мгла. Вот я проснулась – и никак не могу уснуть, отбоя нет от этих мыс-

лей. Ты меня прости.

Оля

Март 2103

Олька, привет!

У нас за два месяца не прибавилось ни одного заболевшего. Надежда мала, но кто знает, чем черт не шутит – вдруг откроют! Я ведь почти два вахтовых срока тут просидел, может быть отпустят, еще и сверху оклада накинута... Заживем, Олька!

Не помню, писал тебе или нет – дочку Валькину назвали Варварой. Мелкая, совсем махонькая, рыжая-конопатая, как сам Валька. Непонятно, как она тут будет расти – с самого рождения всякие патологии. Но делать нечего, как-то выкручиваются. Все мы тут как-то выкручиваемся. Им в порядке исключения разрешили перебраться в дом. Еще не достроили ничего, внутри сарай сараем, но электричество провели. А вообще, Варька у нас теперь дочь полка: все-таки свежее веяние, хоть какой-то привет с Земли...

Помнишь, я обещал, что выращу сирень к твоему приезду? Все ждал, молчал, думал: будет росток побольше, сфотокаю, пришлю тебе карточку. А сегодня ночью торкнуло: какая карточка, если и тексты-то не доходят? Так что словами опишу: моя великая тайна, первая сирень на Гевесте. Лучшая сирень на Гевесте! И знаешь почему? Потому что един-

ственная.

Сложная шутка, да? Ладно, прости. Но она такая крохотная... Растет у меня пока под колпаком, пока не цветет: ботаники сказали, что лет через десять только в первый раз зацветет. Но все равно – зелень. Ты всегда хотела завести цветы дома, вот пусть сирень тебя дожидается.

Ладно, княгиня, закину конверт в ящик и пойду спать. Очень устается. Ни на что сил нет. Смотрю иногда на эту сирень и думаю: ха, да захиреет, поди, до твоего приезда...

Люблю тебя, моя княгиня.

Сентябрь 2105

Привет.

Так глупо здороваться с человеком, который тебя не слышит. Мне все чаще кажется, что я разговариваю со стеной. Чтобы преодолеть это чувство, повесила твою фотографию – и почему раньше не догадалась?

У нас прямо под окнами запустили ветрогенератор; я так надеялась, что станет немного полегче с электричеством, но в итоге всю мощность отдали роддому по соседству, а у нас только стекла вибрируют, и жутко шумно. Голова болит не переставая, ибупрофен не достать, схожу с ума. Думаю вернуться в квартиру – в институте из-за генератора стало практически невозможно. Ночью еще можно спать, но лаборатория освобождается именно ночью, так что вся моя работа с

десяти вечера до пяти утра. Пока закончу, пока доберусь до своей раскладушки, уже опять начинает гудеть...

Я застряла тут, кажется, навечно. Давно уже никаких разговоров о защите кандидатской – да кому сейчас нужно это занюханное почвоведение, когда так все смутно. Меня приписали к лаборатории, которая занимается очисткой аккумуляторов. Спасибо бывшему научнику, похлопотал, а то бы осталась безработная совсем. Мы тут как полезные мусорщики – снимаем с использованных аккумуляторов оставшиеся крошки энергии и собираем их. За две-три смены удается набрать до шести сотых киловатта! Это лампочке почти на час.

А вчера узнала, что можно купить билет на Гевесту. К нам прямо в жилые комнаты пришел какой-то жук – сначала предлагал цветочные композиции, а потом начал всучивать билеты. Мол, Гевеста – светлое будущее, на Земле всем скоро конец, скоро Земля превратится в лед и вот это вот все...

Но, во-первых, не уверена, что по его билету долетишь до Гевесты. Может быть, где поближе очутишься. Во-вторых, у меня в жизни не было столько аккумуляторов, сколько он просит. В-третьих... ну, прилечу я. А где ты? Я ведь даже не знаю, где ты. Может быть, на Земле уже давно.

Руки опускаются, Игорь. Мне кажется, я живу только воспоминаниями. Страшно думать, как раньше провожали на войну – там ведь еще меньше было надежды. Наверное.

Январь 2110

Привет, княгиня!

Давай поднимем стаканчик чаю. Девять лет на Гевесте, девять лет со свадьбы, девять лет не виделись. Налей там мне тоже черного чайку или чего покрепче. Пакетик можно не вынимать.

Я вчера заходил к Валентину – Варька уже большая, ходит в школу (правда, там пока всего-то пять учеников). Вся комната у них в детском барахле, хотя все, конечно, своими руками – все эти столики, игрушки и прочее. Нескоро еще сюда начнут импортировать с Земли такие нестратегические товары. Хотя, с другой стороны, доставили на днях мой заказ. Помнишь, я говорил, что выписывал тебе зеркала и журавликов? Вот, приехали, столько лет спустя. Я эти бирюльки отдал Варьке. А тебе закажем новые. Да и вдруг ты разлюбила уже всю эту мелочевку...

Накормили, напоили меня у Вальки, поигрался с Варварой. А потом вернулся в свою берлогу на базе. Надо уже тоже перебираться в город. Так надоел этот холостяцкий быт – хочется приходить в запах пирогов, духов, а не этих шкур шерстяных холодных.

Я люблю тебя, Олечка, я так тебя люблю, и я так мечтаю о том дне, когда ты приедешь, и у нас будет свой дом, такой же, как у Вальки, и даже лучше. Иногда такого себе навооб-

ражаю! А потом снится во сне. Просыпаешься – а за окнами опять ветрище, и багровые вонючие фумаролы, и красный песок скрипит на зубах даже зимой.

Люблю тебя, Оля.

Январь 2111

Здравствуй, Оль.

Спасибо Вальке – я точно знаю, что ты на Земле и что с тобой все в порядке. Я не очень хорошо поступил: не выдержал и заставил его опять связаться со спутником, отследить твой смартфон. Забавно, да – отсюда можно при желании отследить конкретного землянина, но нереально без помех настроиться на новости или канал связи.

Что там у вас творится, мы по-прежнему толком не знаем. Ну, проблемы с энергией, ну, пытаются синтезировать эргорий – и все, никаких подробностей. Дальнобойщики, которые забирают газ, с нами не разговаривают, как будто мы чумные. У нас болеет триста семнадцать человек, никого стационарных с планеты не выпускают. Тупо, тупо, как тупо все! У меня послезавтра кончается десятая вахта, если бы не эта чепуха, я бы уже летел к тебе!

Оля. Вот еще что меня томит. Не могу терпеть, напишу. Ты – мнительная подозревака, я – мнительный ревнивец, так что... Не знаю, что творится на Земле, не знаю, как ты, что ты, знаю только, что на момент написания, судя по геоло-

кации смартфона, ты сидела дома. Выдумывать, напраслину возводить не хочу, но мыслям не прикажешь. Прости меня, милая моя, если ошибаюсь и подозреваю напрасно (глупо, напрасно, сам знаю, но в голове сидит червяк и трещит: она начала встречаться с другим... ты еще тридцать лет и три года просидишь на Гевесте... на хрена ей такой муж...). Прости дурака. Но, Олечка, вот в чем дело: я тебя очень, очень люблю, больше жизни люблю, больше Земли, больше всех на свете. Я тебя десять лет не видел, а люблю только еще крепче. Но ты, пожалуйста, знай вот что: ты свободна. Будь там счастлива на Земле. Я так надеюсь, что у вас там наладится с энергией, с электричеством... С Гевесты эргорий по-прежнему забирают огромными фурами, «Крытый фургон» увез столько баллонов, что из них энергии получится шестьдесят гигаватт. У нас даже прорабов сняли со стройки – всех отправили в поле, сжигать газ. Спина болит, зараза. А ты не пижешь, Олька. Вот я и нервничаю (что там нервничаю – с ума схожу, на стенку лезу!), что ты, наверное, завела себе кого-то. Я стараюсь не думать так, но... червяк, помнишь? Олечка, живи, будь счастлива, а я буду смотреть на тебя отсюда и радоваться. На всякий случай – вдруг ты вернула девичью фамилию – княгиней не называю.

Пишу вдогонку. Только что сунул контрабандой преды-

дущее письмо дальнобойщикам. Надеюсь, успею и эту приписку.

Прости меня, милая моя. Я написал, а теперь мучаюсь, что обидел тебя этими своими предположениями глупыми... Оленька, как бы там ни было, ты, если захочешь, чиркни пару строк – я все равно буду рад, как бы там ни было! Если этот гипотетический *он* существует – очень надеюсь, что он приличный парень.

Апрель 2113

Привет, Игорь!

У меня новости – сумасшедшие. Во-первых – круглая дата: написала тебе триста пятьдесят писем. Так надеюсь, что хоть одно дошло. Иногда снится, что спускаюсь по лестнице, а из почтового ящика торчит бумажное письмо – как раньше посылали, в таком конвертике с индексом...

Во-вторых – двенадцать лет с тобой не виделись. Но это ничего. До знакомства мы с тобой двадцать лет порознь жили, так что и это переживем.

Запястье ноет страшно: разморозили мою кандидатскую (представляешь!), приходится восстанавливать материал, подгонять, доделывать, и почти все пишу от руки. У ноута остались три запасных аккумулятора, но я их берегу: мало ли, до защиты так и не наладят энергию, придется показывать презентацию со своего ноутбука. Так что пишу ручка-

ми, как первоклашки на чистописании, а потом оцифрую на кафедре – в последнее время нам энергию почти не урезают, потому что... Бам-м! Бом-м! Фанфары! Третья и самая невероятная новость: возможно, мы нашли выход из кризиса.

Помнишь, я увезла с Гевесты образец почвы для кандидатской? Сначала завертелась, закрутилась, а потом некогда и незачем уже было с ним возиться, я его куда-то засунула и сама забыла. А недавно, когда обрадовали, что кандидатскую размораживают, я раскопала его и оставила на столе. Пошла договориться с лабораторией насчет спектрального анализа. А когда вернулась... Захожу в кабинет, и просто сразу в носшибануло: тот пряный, как у кориандра, запах, но с такой мыльной, пыльной ноткой... Эту вонь забыть нереально. Я сразу к химикам: говорю, берите пробу воздуха, пока не выветрился! Они взяли, проверили... Ага. Это он и был. Тот газ с Гевесты, который безуспешно пытаются синтезировать на Земле.

Камеры наблюдения не работают, так что пришлось восстанавливать кое-как, по памяти, что происходило в кабинете. Оказывается, пока я выходила, проводили какие-то испытания и включили свет на десять минут. А я лампочку на столе давно уже не выключаю, пока в институте, – когда свет по расписанию, я всегда за столом. Ну вот... лампа нагрела гевестскую почву. И выделился эргорий. Оказывается, в почве есть особый элемент, который и обуславливает при нагревании выделение газа. Странно, да – ученые так долго би-

лись над тем, чтобы синтезировать сам газ, и никто даже не подумал, что дело может быть в почве. Еще выяснилось, что синтезировать эргорий на Земле сейчас в принципе невозможно – на планете просто нет таких элементов. А вот особый элемент почвы (его пока называли Эрго113, по году открытия) воссоздать можно. У нас уже есть пробный образец, и из него уже удалось получить газ! Ну а из газа – энергию... Больше того: чем выше температура нагревания, тем больше выделяется эргория. Если бросить Эрго113 в огонь, выделится почти полтора кубического метра газа!

Если все пойдет хорошо, скоро Земля выйдет из кризиса. Ты только подумай! Снова свет, когда захочешь. Тепло в доме. Снова можно будет вскипятить чайник, выпить кофе когда угодно, хоть среди ночи. Снова метро заработает, батюшки мои! Снова будут фонари на улицах, можно будет пользоваться телефоном – мой-то сколько лет дома пылится! Я пыталась зарядить аккумулятор теркой о шерсть, но только совсем испортила. Хотела отнести в мастерскую, а потом подумала – на что мне телефон, если зарядить все равно не хватает электричества? Даже то, что дают несколько раз в сутки, – лимитированный объем. Так что, только представь, – всему этому конец, снова нормальная жизнь!

Пиши, Игорь, ну хоть строчечку напиши, как в той старой песне. Напиши, пожалуйста. Ну ты же такой умница. Ну пожалуйста, придумай, как передать хоть словечко. Напиши «Олька-подозревака», мне уже хватит.

Не могу отделаться от дурацкой мысли: зачем я это строю, зачем эти триста пятьдесят писем, если ты не отвечаешь? Может, не получаешь, а может, просто не хочешь отвечать... Прости.

Июнь 2115

Я их ненавижу, Игорек. Ненавижу. Если бы я знала, кто принял это решение. Если бы я знала, к чему приведет эта почва под лампочкой! Да лучше бы еще сто лет искали другой источник!

Они обосновывают это тем, что инфекция с Гевесты ни в коем случае не должна попасть на Землю. Но я уверена, там никакой инфекции уже нет! Либо она не так опасна, как пытаются представить. Это просто полная информационная блокада – никаких новостей о гевестском проекте, о сотрудниках, об ученых... Я начинаю подозревать, что твои письма не доходили все время не потому, что были перебои с почтой и вообще с энергией. Их просто не пускали! Наверняка комитет давным-давно вынашивал такой план: выкачивать с Гевесты эргорий, пока на Земле не найдется другой источник, а потом законсервировать планету, чтоб был этакий анклав, куда можно свалить, если что!

Вернее, не анклав, а тюрьма. На Гевесту теперь планируют посылать политических заключенных. Знаешь, как раньше декабристов ссылали в Сибирь или по пятьдесят вось-

мой статье на Колыму. Абсурд! Абсурд! При чем тут инфекция? Просто Земле больше не нужна Гевеста, не нужен эргорий! Зачем поддерживать такую дорогую инфраструктуру по его добыче, стройку, поля, погрузки, сжижение, хранение, транспортировку, обслуживающий персонал, если можно просто закрыть проект – карантин! Открестились! На, боже, что мне негоже!

Я буду выступать за возобновление сообщения с Гевестой, Игорь. Это ужасно. Коллеги твердят, что это во мне личный мотив играет, что ничем хорошим это не закончится... Слушай, ну ведь я вправе хотя бы узнать, что с моим мужем? Меня на улицах узнают – а о тебе я не знаю ни слова, ни полслова.

Ужасно, что ты там, Игорь! В конце концов, бесчеловечно – вот так оставлять там людей, без связи... Никто так и не знает, что действительно творится на Гевесте. Ходят слухи, что из-за инфекции вы там мутировали... Игорек, я не верю. Я верю другим слухам: что у вас все хорошо. Что вы строите новые города. Что у вас там есть теплые базы, бани и, может быть, даже пляжи, и виноград растет крупный и сладкий, как у нас на Кавказе, и у вас даже лучше, чем на этой ханжеской Земле.

Люблю!

P.S. С энергией почти наладилось: полсутки свет стабильный, полсутки – как повезет, но по сравнению с тем, что бы-

ло... Интернет появился, стало гораздо проще узнавать новости, вот только они хорошо поработали с сетью, пока не было энергии: интернет стал как локалка, обкорнанная цензурой.

Прости меня за все, Игорек. Я люблю тебя. Я буду бороться до конца, сделаю все, что смогу, чтобы этот идиотский, самый бесчеловечный в новейшей истории закон о несообщении с Гевестой отменили.

Октябрь 2118

Привет, Оль.

Мы сегодня впервые за кто знает сколько лет поймали земные новости. Слушали тридцать секунд. Узнали, что у вас все-таки синтезировали эргорий, причем давненько, а значит, у Земли больше нет проблем с энергией. А значит, вкладываться в Гевесту больше нет смысла. Мы подозревали подобное уже давно; пока еще нам кое-что присылают – семена по мелочи, лекарства, материалы, – но в воздухе висит, что вот-вот прекратят. Что ж, может быть, нас все-таки пустят домой. Хотя в это, конечно, не верится.

Оля...

На самом деле, мы тут уже давно смирились, что на Землю не вернуться.

Да ни хрена мы не смирились. Оля!

Давно достроили дом, в котором мне выделили кварти-

ру. Начинаем строить парк. В центре, на Лысом холме, будет целый гектар под стеклянным куполом – там так тепло будет, что на входе поставят гардероб. Можно будет гулять в футболке. Будет даже прудик – совсем как на Земле. Я этого прудика жду, как не знаю чего. Можно будет притворяться, как будто на море поехал, в Аджимушкой или в Анапу: белые раковины, рыжие скалы...

Иногда я сплю, и мне снится, что ты тут. Только ты все такая же маленькая, темненькая моя Олька. А я-то теперь здоровый мужик, бородач, настоящий дровосек, краснощекий, зарос и заматерел. Ты меня и не узнала б, наверное, если б увидела, Олька.

Январь 2120

Привет, Игорек. Приятно снова печатать: отвыкла от клавиш.

Не помню, говорили или нет – элемент официально называли Эрго115; не по году открытия, а по году обнародования. У Земли больше нет проблем с энергией – тоже официально. У нас все благополучно, уже почти как раньше. Все у нас тут хорошо, Игорьь, а меня высылают на Гевесту. Статья – подрывная деятельность, действия, направленные на незаконное изменение установленного общественного порядка и государственного устройства.

Тебе не смешно? Мне – да. За что боролась, на то и напо-

ролась. Хотела возобновить нормальное сообщение с Гевестой – пожалуйста, лети туда сама.

Страшно, Игорь. Сидя на Земле, я могла вообразить, что там все хорошо. Что ты жив. Что на Гевесте прекрасные цветные города и добрые люди, тоскующие по Земле и отрезанные от нее по мановению каких-то параноиков. А теперь, когда мне предстоит лететь... А что, если там пустота? Та же самая база в поле багровых пузырей, тот же давящий колпак вечной ночи, тот же аммиачный снег? Мне сказали, финансирование свели к минимуму, лишь бы поддерживать жизнедеятельность тех, кто остался, кого Земля не желает принять. Официальная версия – по-прежнему страх занести на планету новый вирус.

Здесь я могла притворяться, что с тобой все хорошо, что ты не отвечаешь по какой-то объективной причине. Я их столько выдумала, причин – блокнота не хватит. Признавалась себе, что ты не отвечаешь, потому что завел другую. Это я переживу... Но... вдруг я прилечу и увижу, что тебя просто... нет. Нет, нет, нет, князь мой.

Игорек, я вылетаю через месяц на почтово-грузовом лайнере; его тут называют МУЛом – межпланетным универсальным. Точно в насмешку: он медленный, как не знаю что. Говорят, будем лететь почти три месяца. Это в то время, когда можно за неделю добраться!

А помнишь наш разведывательный экспресс? Как там воляло топливом! Надеюсь, в почтовом хоть так не будет, все-

таки почти двадцать лет прошло. В общем... В общем, скоро увидимся. Пишу это – рука дрожит, и внутри все дрожит, кипит от страха. Никакой надежды, никакого предвкушения. Только страх.

Я передам письмо с одним новым знакомым. Если предположить, что все прочие письма до тебя почему-то не доходили – это точно должно прийти.

Хожу последнюю неделю, как будто внутри – ни черта, одни камни.

Август 2120

Ну как ты там, Оля моя? Никак не могу бросить тебе писать. Прихожу со стройки, с поля, с базы, из парка (представляешь – уже открыли!), еще откуда – и тут же думаю: сяду-ка я к столу письма тебе писать.

Пишу-пишу, на ответ не надеюсь – к этому-то я привык. А тут вдруг сообразил: я ведь уже забыл, как ты выглядишь. И ни одной фотографии. У нас тут появился местный интернет, но, конечно, никаких земных ресурсов. Я попытался нарисовать тебя по памяти. Самое обидное – не знаю, похоже вышло или нет. Валька говорит, нет.

Нельзя так долго держаться за призрак. Валька говорит, я сбрендил. С другой стороны, он говорит, что все мы тут сбрендили, и на Гевесте только через поколение появятся адекватные люди, которые не видели этого фортеля Земли:

сначала выкачать эргорий, чтоб самим не умереть, а потом закрыться от нас и бросить. Ничего. У нас тут уже свое все. Как-нибудь. Как-нибудь. Только без тебя тяжело – вот к чему я никак не привыкну.

Все, заканчиваю. Надо отвыкать от писем. Буду поэтапно. Буду писать все реже и короче.

Декабрь 2120

– Нет, ну это надо!

Валька поперхнулся. Из рта брызнули крошки. Кашляя, сунул газету Игорю.

– Почтово-грузовой лайнер! Вот что они нам прислали впервые за три года! Письма из прошлого просто! Ты прочитай...

«...из-за поломки межпланетный универсальный лайнер совершил вынужденную посадку на орбитальной станции Венеры. Ремонт длился около полугода...»

– Полгода! Бедняги, – вздохнул Игорь. – На полгода зависнуть в космосе... Как у них ресурсов-то хватило.

– Так грузопочтовый же лайнер. Видимо, какие-то грузы были с собой. Может, консервы, – предположила заглянувшая в комнату Варвара.

– Нам? – усомнился Игорь.

– На Юпитер. МУЛ летит на Юпитер, на Гевесте будет только промежуточная остановка в шлюзе, – объяснил Валь-

ка. Голоса у отца и повзрослевшей дочери были удивительно похожи – если не смотреть, даже не понять, кто говорит. – А что, если там реально почта? Он же за три года письма привез! А может, и больше. Пойдешь на почтамт?

– На что мне.

Сказал – а внутри все равно задрожал, съежился выгоревший комок, оставшийся от надежды.

– А я пойду, – весело сказал Валька. Вот неунывающий... – Варвара, айда со мной? Посмотрим заодно на новый аэропорт...

– А я не пойду, – разозлившись, бросил Игорь. – Мне, знаешь ли, никто не пишет.

– А вот и не угадал, – ошарашенно и осторожно произнес Валентин часом позже. – Твоя Оля. Вот. Письмо... Тебе... Сказали, лежит давным-давно...

«...Я передам это письмо с одним новым знакомым. Если предположить, что все прочие письма до тебя почему-то не доходили – это точно должно дойти».

Что-то внутри вспыхнуло, взорвалось, как тот пузырек с газом в их первые дни на Гевесте.

Восточные горы заливало алым маревом, в воздухе пахло эргорием, но мылкий, острый дух перебивали ароматы из парка – перезимовавшей хвои, реки и молодой зелени.

«Скоро, поди, сирень зацветет».

А потом накатили тучи, стало зябко, пришла глухая и холодная предрассветная тишь. Девятнадцатилетняя Варвара ежилась рядом – уставшая от долгой зимы, нарядилась в платье, выскочила с голыми руками. Игорь стянул пиджак, накинул ей на плечи; Варя улыбнулась. Тоже прибежала за почтой – пришла пораньше, чтоб потом не толочься в аэропорту во время рейсов. Все службы на Гевесте до сих пор ютились под одной крышей: и почтамт, и банк, и аэропорт...

...МУЛ уже сел. Игорь видел, как белое брюхо вспарывает лиловое небо, еще издавлекa уловил хриплый треск двигателей. С посадки прошло четверть часа, но не может же так долго... она... да где вообще все пассажиры?

– Почтовый мул, – пробормотал Игорь, ощупывая непривычно голый подбородок. – Почтовый мул...

– Что, Игорь Иванович? – встрепенулась Варя.

– Да так... сам с собой... – выдохнул он. – Пойдем, может, зайдем?

А сам просто не мог стоять на месте: не было сил. Последняя капля терпения сорвалась с кончика носа.

Елки – маленькие, хилые, но все-таки самые настоящие земные елки, прижившиеся на Гевесте, – выстроились у входа, как часовые. От долгого стояния на холоде ноги занемели, Игорь вошел в аэропорт, морщась от разбежавшихся по икрам иголок. Проковылял к стойке регистрации; в голове разрастался шум, он видел, что регистраторша шевелит гу-

бами, но разобрать ничего не мог.

Варя дернула за рукав. Он обернулся...

Шум порвался с бумажным грохотом – образовалась дыра, как будто со стены сорвали кусок обоев. А там... в этой белизне...

– Игорек, – услышал он растерянное, знакомое-знакомое.

Рванулся, закрутился на месте, все поплыло, как в детстве на карусели...

Она ухватила его за руку, и он наконец поймал, вдохнул, прижал к себе, сдавленно пробормотал:

– Привет, княгиня...

Евгения Кинер

Голоса пыли

Время большого снега закончилось. Он растаял, будто и не лежал повсюду целых шесть месяцев. Растекся лужицами черной воды, которая быстро высохла, оставив на земле трещины. Настала пора Великой пыли.

Долину словно обсыпали мелким порошком, он висел в воздухе, оседал на одежде, забивался в складки кожи, делая выражения лиц более жесткими. Серебристая пыль скрипела на зубах, хрустела, падая в костры, вилась водоворотами у ног при малейшем движении. Она покрыла высокие конусы зимних домов так, что те стали казаться холмиками, маленькими копиями далеких гор.

Ночью Аша лежала на ковре рядом с матерью в наглухо завешенном жилище и слушала, как снаружи тонко шипит серый ветер, пытаясь найти щель и просочиться внутрь. Забиться в уши, глаза, нос, наполнить легкие и задушить во сне. Но девочка не боялась, она слушала этот шелест с рождения. Ее народ мог выжить только здесь, в Долине пыли — тонкой границе между землей Вечного холода и Лесом.

Утро выдалось спокойным, лишь небольшой ветерок несся над землей, заставляя пыль двигаться волнами, как воду в луже. Серая муть, клубившаяся в воздухе, осела, и над гора-

ми взошло яркое белое солнце. Под его лучами все засверкало, словно покрытое кристалликами льда. Аша шурилась, но не смотреть было невозможно, сияние шло отовсюду. Мать, выбравшаяся из дома вслед за дочерью, тоже остановилась, замороженная блеском обычно тусклой долины. Затем она озабоченно вздохнула и принялась собирать с земли глиняную посуду. За ночь пыль, движущаяся за надземными течениями ветра, отполировала все горшки дочиста.

– Свет – это знамение, – задумчиво проговорила она, вытирая миску подолом длинной юбки. – Сегодня Кетх вновь будет читать знаки и скажет, не пришло ли время отправляться в путь. Вода-то почти кончилась.

Разрешения шамана сняться с зимней стоянки ждали с тех пор, как сошел снег, но тот медлил. Чертил символы, которые тут же уносил ветер, бродил по серой пустоши, пытаюсь найти смысл в следах, оставленных многоножками, ворочал черные камни на дороге. Но пыль не говорила с ним, и Кетх лишь недовольно качал головой. Приход солнца – точно знак, это чувствовали все и потихоньку принялись собирать вещи, но так, чтоб шаман не заметил, без его слова им все равно никуда не двинуться.

В ожидании Аша решила пойти проверить ловушки. В натянутых между камней тонких сетках, привлеченные кусочком сушеного мяса, застряли несколько сколопендр, маленькая ящерица и множество больших сизых жуков. Ящерицу девочка отпустила, хоть та не принадлежала к священ-

ным. Пусть подрастет, а из остальных получится хороший ужин. Одну сколопендру Аша раздавила камнем и положила на землю в знак благодарности за добычу. Пыль, влекомая ветром, медленно окутала подношение, будто проглотила.

Когда Аша вернулась в стойбище, все уже собрались вокруг дома шамана. Он сидел на корточках возле входа и опять чертил что-то перед собой длинной отполированной палкой. Сегодня он надел высокую прямоугольную шапку и множество опаловых амулетов, переливающихся в солнечных лучах. Девочка залюбовалась красивыми камнями, эти камни тоже как пыль – серые или белые, тусклые и мутные. Но стоит солнечному лучу осветить их – вспыхивают голубым и оранжевым, будто языки пламени. Разглядывая амулеты, Аша чуть не пропустила миг, когда знаки, начертанные Кетхом, вдруг зашевелились и превратились в какой-то иной символ. Послышались удивленные возгласы, и хотя девочке показалось, что это просто ветер сдул часть написанного, все очень заволновались.

Шаман внимательно оглядел символ и вздохнул.

– Пыль сказала свое слово. В этом году нам придется непросто, ритуал будет нарушен. Но ждать более благоприятного времени уже нет смысла.

Толпа вокруг вновь забеспокоилась, слова Кетха внушали тревогу. Но такова воля пыли, а значит, такова судьба, ее не изменить. К вечеру в стойбище свернули полотняные стены домов, разобрали очаги, уложили все на давно приготовлен-

ные повозки и в сумерках двинулись в путь. Трекки – гигантские серебристые ящерицы, впряженные в возы, хорошо видели в темноте и выучили дорогу наизусть, двигаясь по одному и тому же пути из года в год.

Мать, сидя в повозке, держала вожжи и подгоняла ящериц, хотя в этом не было нужды. Засидевшиеся в загонах трекки мчались так быстро, как могли. Двигались ровным рядом, не сбиваясь с пути и не отставая друг от друга. Аша видела – им нравится бежать, замечала возбуждение и радость, вызванные скоростью, на лицах кочевников. Мать, одетая в длинную накидку с тяжелыми рукавами, повязала лицо новым платком, чтобы легче дышалось, но капюшон сняла. Пыль осядет в волосах, и ее придется долго вычесывать, но так сделали многие, им хотелось почувствовать ветер, какой бывает только в начале пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.